

Т. В. Волдина, И. М. Молданова

**КОШКА – СВЯЩЕННЫЙ ОБРАЗ КАЗЫМСКОЙ БОГИНИ:
К ВОПРОСУ О ПЕРМСКОМ КОМПОНЕНТЕ
В ХАНТЫЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ**

Одним из значимых обско-угорских божеств является Казымская богиня (*Wūt imi, Kasəm naj, Kasəm imi*¹), её почитают не только казымские ханты, считающие её своим легендарным предком, но и другие диалектно-этнографические группы обских угров. Как и другие духи-покровители обско-угорских народов, богиня Казыма может принимать зооморфные образы, наиболее популярный из них, ассоциирующийся с богиней, – чёрная белогрудая кошка. Исследование опирается на этнографические сведения, фольклорные материалы, а также на источники по хантыйскому и коми языкознанию. Цель работы – рассмотреть данные языка и культуры, связанные с культом кошки у казымских хантов, а также сопоставить их с материалами, характеризующими образ кошки в пермских культурах: авторами дано описание (сакральный облик животного, в который перевоплощается Казымская богиня), раскрыто семиотическое значение, проведён сравнительно-сопоставительный анализ. Интерес представляет номинация *kañ*, предположительно происходящая из коми языка. Однако анализ хантыйско-русских словарей выявил похожую словарную единицу *kəñ, káñ, kañ* со значением ‘песец; белый зверь’ в восточных и южных диалектах хантыйского языка. Рассмотрен специальный язык, предназначенный у казымских хантов для кошек и собак, олицетворяющий собой образы божеств. Из общих угро-пермских представлений о кошке: она считается «медиумом» и способна защитить от неприятностей.

Ключевые слова: казымские ханты, культ кошки, пермский компонент, Казымская богиня, «специальный» язык обращений с животными.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-1-49-56

В обско-угорской мифологии богиня *Wūt imi* – дух-покровитель р. Казым и проживающей там диалектно-этнографической группы хантов – является дочерью верховного бога и предстаёт женщиной-богатыркой. В своей священной песне, исполняемой в сакральной части медвежьих игрищ казымских хантов, она выступает как *naj* – светлый женский дух, богиня-мать.

Фольклорные произведения дают представление о её жизни, военных подвигах, освоении территории, что объясняет характер архетипа территориального духа-покровителя, а также раскрывает существование в древности межэтнических связей предков казымских хантов, в культуре которых отчётливо просматривается пермский компонент. Согласно актуальным верованиям и сказаниям, богиня имеет несколько священных зооморфных образов – соболя, горноста, утки-кряквы и кошки.

Сведения о культе Казымской богини в верованиях одноименной локальной группы хантов имеются в этнографических источниках, среди которых и собранные исследователями

¹ Используется финно-угорская транскрипция согласно Н. Б. Кошкарёвой, В. Н. Соловар [Кошкарёва, Соловар 2007].

из числа самих казымских хантов. Прежде всего, в работах Т. Молданова, Т. Молдановой [Молданов, Молданова 2000; 2001]; в фольклорных сборниках [Земля кошачьего... 2001; 2003], [Поющая женщина... 2014], [Песни реки Казым... 2019] и др. Используются материалы статей Т. Г. Голевой [Голева 2011] и Е. Л. Федосеевой [Федосеева 2018], а также работа Б. А. Эренбурга [Эренбург 2017]. При анализе языкового материала мы опирались на работы В. Штейница [Steinitz 1976], Н. Б. Кошкарёвой, В. Н. Соловар [Кошкарёва, Соловар 2007]; хантыйско-русские словари [Steinitz 1966–1991, Могутаев 1996]; коми словарь [Краткий этимологический словарь... 1970].

Авторы задались целью рассмотреть особенности культа кошки у казымских хантов с привлечением этнографических и языковых материалов, что позволяет сопоставить их с опубликованными данными об образе кошки у пермских народов.

Материалы и методы

Основными источниками для статьи являются труды исследователей, фольклорные и этнографические материалы, устные сообщения информантов, словари. В ходе исследования использованы сравнительно-сопоставительный, семиотический, описательный методы. В примерах система записи соответствует первоисточнику, в остальных случаях используется финно-угорская транскрипция, приведенная в книге Н. Б. Кошкарёвой, В. Н. Соловар [Кошкарёва, Соловар 2007].

Результаты

В священных песнях и сказаниях о Казымской богине в образе кошки она предстаёт в критические и наиболее важные моменты своей жизни: этот облик помогает ей узнать о смертельной опасности, благодаря ему она скрывается от преследования, а также принимает его в момент освоения новой территории. Остановимся на некоторых примерах из фольклорных текстов Казыма, где повествуется об этом перевоплощении богини. Есть сведения, что кошка, в которую превращается богиня, имеет черный окрас:

Щǎлта ин ими нухемилǎс-мухэмилǎс, питы кǎтьи хура йис² ‘Женщина покрутилась, повертелась, приняла образ черной кошки’ [Поющая женщина из Эхт Югана 2014, 40];

Питы кǎтьи – щит ин Вўт имэн, лўв щи хура щи йўвемилǎс ‘Черная кошка – образ, который принимала Казымская богиня’ [Поющая женщина из Эхт Югана 2014, 43].

В священной песне *Касум ими касǎлты ар* ‘Песня Казымской богини’ имеется также такое описание:

Рǎхǎңал кǎти йемǎңал ай хур-ǎ ‘Белогрудой маленькой кошкой обернулась’ // *Наял ма-ǎ павты-йǎ-иялǎм-ǎ ищии-йǎ* ‘Богиня обернулась тоже’ [Песни реки Казым... 2019, 82]. То есть в изображении животного указано белое пятно на груди.

Нередко и сами казымские ханты ассоциируются у других локальных групп обских угров с чёрными кошками, например, в сновидениях; во снах же представителей данной группы этот образ связывается с Казымской богиней [Молданова 2001, 186–187]. В реальной действительности можно наблюдать случаи, когда выходцы из Казыма, находясь в гостях у хантов и манси других территорий, становясь объектом внимания домашней кошки, могли услышать в свой адрес такие слова: «Бабушка видит (привечает) своего внука (внучку)» [ПМА 1993].

Религиозное почитание кошек у казымских хантов отражается иногда и в бытовом поведении. Известна история одинокой пожилой женщины, проживавшей в Юильске (хант. *Wўtwǎš*), который расположен рядом с культовым центром казымских хантов, местом почитания Казымской богини. Она посвятила остаток своей жизни кошкам, их было у неё очень много, специально готовила для них, а если кто-то брал у неё котенка, то следила за тем, как с ним обращаются новые хозяева, и если, по её мнению, его обижали, – забирала обратно [ПМА 1993].

² Здесь и далее цитаты приводятся с орфографическим оформлением первоисточника.

В хантыйском языке казымского диалекта *кошка*, кроме бытового наименования *kāt'i*, имеет сакральное наименование *kañ*. Представим отрывок из сказки, в которой зафиксировано данное слово:

– Я, сит муй вэн вер, – юхлы нёхмас кати. Сялта, я, ин митрайт верты ци питсэллэ. Ин кател тыв наварл, кань посау ар ёшл тыв тахлалэ, тухи тахлалэ. Юх тыята хэухэс, юх тыйт нюхалтыялэллэ, ин юх тыйт вэтсэ сэврияллайлт. Ин лув кейты рувалн, вота ювмэй мурт [Рандымова, Молданова 1994, 104–106] – Ну, разве это большое дело, – говорит кошка. Затем стала показывать чудеса. Кошка сюда прыгнет, свои лапы священного животного сюда бросит, туда бросит. На верхушки деревьев залезла, качает их, верхушки деревьев друг друга касаются. Пока она таким образом чудеса показывала, ветер поднялся' [перевод наш – И. М.].

Сакральное название зооморфного образа богини-кошки *kañ* указывает на пермское происхождение данного культа. Территорию своего расселения – бассейн р. Казым – казымские ханты называют *Kañ kññš элэ* 'Земля кошачьего локотка'. На это в своё время обратила внимание исследователь фольклора и мифологии казымских хантов Т. А. Молданова: «кань – это коми-зырянское название кошки, и, возможно, что в хантыйском языке оно является заимствованием» [Молданова 2001, 186–187]. В то же время лексема *kañ* «кошка» появляется и в языке коми довольно поздно – «после отделения коми от удмуртов» (около 1 тыс. н. э.) – и происходит от коми-зырянского изобразительного слова, «характеризующего движение кошки, ср. *кань-кань* 'неслышно, бесшумно, незаметно (о движении)': *кань-каньён, канебён* 'украдкой, тайком'» [Лыткин, Гуляев 1970, 116; Федосеева 2018, 194]. Однако в хантыйских словарях, например, у В. Штейница также зафиксировано слово *kəñ* (V Vj.), *káñ* (Кам. Кг. Sog. Ts.), *kañ* (Patk.) – в значении 'песец', (Sog.) 'белый зверь' [Steinitz 1966–1991, 651]; в словаре М. К. Могутаева (васюганский диалект) *кёнь* 'песец' [Могутаев 1996, 79]. Это вызывает дополнительные вопросы относительно слова *kañ*.

Исследователи отмечают, что в пермских культурах кошка первоначально также была наделена высоким сакральным статусом, позднее сменившимся на демонизацию её образа (возможно, под влиянием христианизации), подчеркивается её связь со сверхъестественным. Например, согласно мифологическим верованиям коми-пермяков, кошка, как и собака, «первой встречает человека в загробном мире и выступает как медиатор и посредник», является неким связующим звеном между человеком и потусторонними (колдовскими) силами [Голева 2011, 176]. В коми-пермяцкой культуре отмечаются сложившиеся «параллели между женщиной и кошкой <...> при сравнении поведения, особенностей характера, присущих именно женскому полу: гибкость, грациозность, самодостаточность» [Федосеева 2018, 198].

Среди общих с пермскими народами обско-угорских поверий, связанных с кошкой, – её способность уберечь хозяев от неприятностей, включая опасность смерти. Наиболее ярко это проявлено в обычае, существующем и у русских – первой впускать в новый дом кошку [Голева 2011, 109; Федосеева 2018, 195]. Считается, что она способна забрать на себя негатив, болезни. По поведению кошки определяли также погоду, например, если она прячет нос – к похолоданию; если она тщательно намывает мордочку – к скорому прибытию гостей и т. д.

В то же время сам образ кошки значительно отличается от привычных для культур охотников-рыболовов зооморфных обликов божеств. Обычно это лесные птицы и звери, рыбы – как правило, объекты промысла, но табуированные для отдельных родов (Казымская богиня, кроме кошки, например, может принимать образы соболя, горноста и утки-кряквы). Исключение из этого ряда вместе с кошкой составляет, пожалуй, только такое domesticated животное, как собака, которая повсеместно выделяется как образ повелителя мира смерти и болезней, связана с нижним миром и способна видеть духов. Но и этот образ ассоциируется с диким представителем фауны – волком и имеет более древнюю историю бытования на данной территории (эта связь просматривается и в традиционных верованиях³ обских угров). О более позднем появлении кошки в качестве сакрального образа свидетельствует также отсутствие

³ Божество, образом которого является собака, принимает и облик волка.

в обско-угорских культурах специальных орнаментов и других изображений этого священно-животного, а также его локализация только с диалектно-этнографической группой Казыма.

Примером встраивания образа кошки в систему зооморфных образов хантыйской культуры является одна из сказок казымских хантов, зафиксированная этнографами в 1935 г.: кот является супругом белки и оказывается мудрее простодушного, хоть и самого сильного зверя, – медведя, повсеместно почитаемого животного в культуре обских угров [Как белка с котом жили 2019].

Обращают на себя внимание и литые изображения пермского звериного стиля, представленные в работе Б. Эренбурга, в которых легко прочитываются мифологические мотивы народов ханты и манси. На это неоднократно указывает и сам автор [Эренбург, 2013]. Здесь мы находим антропоморфные изображения богинь, которые близки образу *Wūt imi*, как её представляют в народе: её косы – это змеи («бабушкины косы»), завязки на её шубе-*сахе* – живые ящерицы («бабушкины завязки *саха*»). Здесь же мы находим информацию и о «земле-кошке»: «В IX веке у бьярмов⁴ появляются кошки. Кошки стерегут от грызунов амбары с зерном, а бьярмы рассказывают детям такую историю. Земля – это огромная Кошка, она все время спит. Её шерсть – это леса, а насекомые, которые ползают в шерсти и вьются рядом – это люди, животные и птицы. Все природные катаклизмы, землетрясения, бури и ураганы – это следствие того, что Кошка изредка просыпается и движется» [Эренбург 2014, 60].

До недавнего времени у верхнеказымских хантов еще использовался зафиксированный этнографами специальный язык для общения с кошками – с добавлением *-ян* (*-ен*) в конце слов. Например, когда кошка умывала свою мордочку, хозяева, обращаясь к домашнему питомцу, говорили: *Кати-ян, ям пойк пойки-ян* ‘Кошечка, добрую молитву моли’. Если после этого кошка начинала более усердно мыть свою головку, при этом захватывая ушки, считалось, что она «молит» хозяевам что-то хорошее [ПМА, 1993]. По отношению же к кошке как к богине могли сказать: *Кани-ен питы-ен маны-ен* ‘Кошечка-богиня черная идёт’. Обратившись к коми-зырянскому языку, Т. А. Молданова перевела это выражение как «кошка-бог, чёрная-бог, идёт-бог», т. к. *ен* на языке коми-зырян обозначает ‘бог’ [Молданова 2001, 186–187]. Данные примеры зафиксированы с использованием слогового принципа русской графики, что затрудняет вычленение хантыйских суффиксов, спрятанных под «окончаниями» *-ян* (*-ен*).

Передача этих фраз финно-угорской транскрипцией позволяет точнее определить морфемный состав слов, а также смысл. Например, *Kāt’=ij=en, jām pəjək pəjk=ij=en* ‘Кошечка=твоя, добрую молитву моли=твоя’; *Kań’=ij=en pit’ij=en mǎn’ij=en* ‘Кошечка (священная)=твоя чёрненькая=твоя идёт=твоя’. В данном случае, к существительным *kāt’i* ‘кошка’, *kań* ‘кошка (как сакральный образ, священная)’, глаголам *pəjəktī* ‘молиться, умолять’, *mǎntī* ‘идти’, прилагательному *pitī* ‘чёрный’ добавляются диминутивный суффикс *=ij(e)=* + притяжательный суффикс 2 лица единственного числа *=en*. Об употреблении посессивного и диминутивного суффиксов в языке фольклорных песен (см. [Steinitz 1976, 50–57]). Таким образом, через кошку, воспринимаемую как образ богини, идёт обращение к духу-покровителю (с зашифрованным указанием принадлежности к ней). При этом в повседневной жизни с кошкой разговаривали не на обычном языке, а на близком к фольклорному, с использованием уменьшительно-ласкательного маркера.

Следует отметить, что в языке казымских хантов также проявляется обычай «иног» обращения и для собак. Для примера рассмотрим специальные команды, которые хозяин адресует своей собаке: *pirr!* ‘прочь!’, *ǫlās!* ‘лежать!’ (букв.: ‘лѣг’), *pōrās!* ‘кусать!’ (букв.: ‘укусил’), *lewās* ‘есть (в значении кушать)!’ (‘ешь/съел’), *pirr jira mǎnəl(s)!* ‘прочь в сторону идёт/ушёл!’, *χōrta!* ‘лай!’ (ср. в русском языке побудительные команды собакам в неопределенной форме глагола: «лежать!», «стоять!», а также использование применительно к скоту и в ругательном

⁴ Бьярмы или биармцы – народ, скорее всего финского происхождения, жители Биармии – исторической области, предположительно располагавшейся на территории современной Архангельской области, в бассейне Северной Двины. По сообщениям викингов, бьярмы говорили на языке, похожем на язык «терфиннов» («лесных финнов»), ныне неизвестном.

смысле: «пошла! (к лошади)», «пошёл прочь!» и др.) [ПМА, 2021]. Как видим, в основном, эти сигналы употребляются в третьем лице прошедшего времени изъявительного наклонения, кроме команд: *pirr!* ‘прочь!’ (междометие со значением повеления) и *χōrta!* ‘лай!’ (стоит в императиве второго лица единственного числа). Отмечена также форма *pirr jira tãpãλ(s)!*, которая употребляется и в настоящем, и в прошедшем времени, но в третьем лице. Вероятно, это связано с тем, что собака является олицетворением *Xiñ iki* ‘мужчины Хинь’ – божества, насылающего болезни и смерть. В мифологии урало-алтайских народов этот образ олицетворяет также мир прошлого.

Таким образом, при обращении к собаке использовался такой же «специальный язык», как и к кошке, дабы не навлечь на себя гнев духов-покровителей. Но при этом очень хорошо видна разница. В первом случае мы видим ласковый апеллятив к кошке как животному-медиуму, посвященному богине, и звучит он как песня. Во втором – по отношению к собаке применяются жесткие и краткие команды и как к посреднику, связанному с нижним миром, миром прошлого – все её действия как будто уже произошли. Использование глаголов в третьем лице по отношению к собаке напоминает обычай избегания, хорошо описанный в этнографической литературе, согласно которому свёкор и сноха свои просьбы изъявляли друг к другу не напрямую, а в 3-м лице или через посредника.

Необходимость специального языка в общении с животными объясняется в фольклоре. Существует предание, что когда-то люди обращались к домашним животным на обычном языке, но однажды собака заговорила как человек, и её хозяйка, услышав из уст животного человеческое слово, упала замертво. С этих пор, по мнению рассказчиков, и был введен запрет на прямое обращение к собакам и кошкам, и этим объясняется появление особого языка, применимого только для общения с ними [ПМА, 1993].

Заключение

Чёрная кошка – заметный зооморфный образ Казымской богини, который запечатлён в памяти локальной группы казымских хантов. Данный образ зафиксирован в преданиях, священных песнях. Сакральное наименование *kañ* указывает на пермское происхождение данного слова, вместе с тем подобное слово, но с другим значением зафиксировано также у восточных и южных групп ханты. Для кошки, впрочем, так же как и для собаки, существует специальный язык, который подчёркивает её особое положение в хантыйском мировоззрении.

В пермских культурах у кошки в прошлом также был высокий статус, наряду с собакой она была «посредником и медиатором» в загробном мире. Среди общих представлений, характерных для пермяков и казымских хантов, – способность кошки уберечь от неприятностей, а также от смерти.

СОКРАЩЕНИЯ

V – Mundart am Vach; Vj – Mundart am Vasjagan; Kam. – Mundart von Kamenskije (Kaminskije, Kamovskije) an der Konda [Irt.]; Kr. – Mundart von Krasnojarskije an der Konda [Irt.]; Sog. – Mundart am Sogom [Irt.]; Ts. – Mundart von Tsingala am Irtysch [Irt.]; Patk. – Aufzeichnungen aus dem Irtysch-Dialekt, nach Patkanov um 1886.

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ АВТОРОВ

ПМА, 1993 – Полевые материалы Т. В. Волдиной, г. Ханты-Мансийск (информанты: Волдина (Вагатова) М.К., 1936 г. р.).

ПМА, 2021 – Полевые материалы И. М. Молдановой, п. Казым, Белоярский район, август – сентябрь, 2021 (информанты: Каксина (Тарлина) Е. Д., 1968 г. р.).

ЛИТЕРАТУРА

Голева Т. Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. СПб.: Издательство «Маматов», 2011. 272 с.

- Земля Кошачьего Локотка = *Кань Куни Олӟу*. В. 2. / Тимофей Молданов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 242 с.
- Земля Кошачьего Локотка = *Кань Куни Олӟу*. В. 3. / Тимофей Молданов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 230 с.
- Кошкарёва Н. Б., Соловар В. Н. Увты муй ўвты: Курс практической фонетики хантыйского языка (казымский диалект). Новосибирск: Гео, 2007. 178 с.
- Краткий этимологический словарь коми языка / Авт.-сост. В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. М., 1970. 274 с.
- Могутаев М. К. Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект). Томск: Томский госпедуниверситет, 1996. 352 с.
- Молданова Т. А. Архетипы в мире сновидений хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 354 с.
- Молданов Т., Молданова Т. Боги земли казымской. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 114 с.
- Поющая женщина из Эхт Югана = *Өхэт йүхан арәү ими* / Сост. Е. Д. Каксина. Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2014. 128 с.
- Песни реки Казым в собрании Окружного Дома народного творчества, г. Ханты-Мансийск / Сост. Т. А. Молданов. Тюмень: Тюм. изд. дом, 2019. 244 с.
- Рандымова Е. Н., Молданова С. П. Солнышко: кн. для доп. чтения в 3–4 кл. хант. шк. (казым. диалект): Пособие для уч-ся / ил. худож. Н. Е. Циолика. СПб.: отд. изд-ва «Просвещение», 1994. 143 с.
- Федосеева Е. Л. Ономазиологический портрет кошки (кань) в культуре и языке коми-пермяков // Молодая филология – 2018. Человек, культура, социум: материалы конференции. Пермь: Изд-во Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2018. С. 195–201.
- Как белка с котом жили = *Хуты лауки кӓти тӓла вӧсун* (хантыйская народная сказка) / Сост., пер. на рус. язык С. Д. Дядюн. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2019. 24 с.
- Эренбург Б. А. Загадки и мифы звериного стиля. Пермь: Сенатор, 2017. 56 с.
- Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin: Akademie Verlag, 1966–1991. 2018 p.
- Steinitz W. Über die Anwendung des Possessivsuffixes -en in der Liedersprache und über ein angeblich denominales Suffix -n im Ostjakischen: Ostjakologische arbeiten. В. II. Budapest: Akademiai Kiado, 1976. S. 50–57.

Поступила в редакцию 16.09.2021

Волдина Татьяна Владимировна,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,
БУ «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»,
628011, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14А,
e-mail: tatynavoldina@yandex.ru

Молданова Ирина Максимовна,

кандидат филологических наук, научный сотрудник,
БУ «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»,
628011, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14А,
e-mail: uil.gera@yandex.ru

T. V. Voldina, I. M. Moldanova

**THE CAT IS A SACRED IMAGE OF THE KAZYM GODDESS:
ON THE PERMIAN COMPONENT IN THE KHANTY CULTURE**

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-1-49-56

One of the most significant Ob-Ugric deities is the Kazym goddess (Wüt imi, Kasəm naj, Kasəm imi); she is revered not only by the Kazym Khanty, who consider her their legendary ancestor, but also by other dialect-ethnographic groups of the Ob-Ugrians. Like other patron spirits of the Ob-Ugric peoples, the Kazym goddess can take zoomorphic images, the most popular of them, associated with the goddess, is a black white-breasted

cat. The research is based on ethnographic information, folklore materials, as well as sources on Khanty and Komi linguistics. The purpose of the work is to consider the data of the language and culture associated with the cult of the cat among the Kazym Khanty, as well as to compare them with the materials characterizing the image of the cat in the Perm cultures: the authors give its description (the sacred appearance of the animal into which the Kazym goddess is reincarnated), reveal the semiotic meaning, and carry out a comparative analysis. The nomination *kań*, presumably originating from the Komi language, is of interest. However, the analysis of the Khanty-Russian dictionaries revealed a similar vocabulary unit *кәһ, кәһ, каń* with the meaning ‘arctic fox; white beast’ in the eastern and southern dialects of the Khanty language. A special language intended for cats and dogs by the Kazym Khanty, personifying images of deities, is considered. From the general Ugro-Permian ideas about a cat: it is considered a “medium” and is able to protect from trouble.

Keywords: Kazym Khanty, Permian component, Kazym goddess, cat cult, “special” language of animal treatment.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 1. P. 49–56. In Russian.

REFERENCES

- Goleva T. G.** *Mifologicheskie personazhi v sisteme mirovozzreniya komi-permyakov* [Mythological characters in the worldview of the Komi-Permyaks]. Saint-Petersburg, Mamatov Publ., 2011. 272 p. In Russian.
- Zemlya Koshach'ego Lokotka. Kan' Kunsh Ojǎy: 2* [The Land of the Cat's Elbow: 2]. Comp. Timofei Moldanov. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2001. 242 p. In Khanty, Russian.
- Zemlya Koshach'ego Lokotka. Kan' Kunsh Ojǎy: 3* [The Land of the Cat's Elbow: 3]. Comp. Timofei Moldanov. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2003. 230 p. In Khanty, Russian.
- Koshkareva N. B., Solovar V. N.** *Uvty mui ývty: Kurs prakticheskoi fonetiki khantyiskogo yazyka (kazymskii dialekt)* [Flow or shout: A course of practical phonetics of the Khanty language (Kazym dialect)]. Novosibirsk, Geo Publ., 2007. 178 p. In Khanty, Russian.
- Kratkii etimologicheskii slovar' komi yazyka* [A short etymological dictionary of the Komi language]. Comp. V. I. Lytkin, E. S. Gulyaev. Moscow, Nauka Publ., 1970. 274 p. In Komi, Russian.
- Mogutaev M. K.** *Khantyisko-russkii slovar' (vasyuganskii dialekt)* [Khanty-Russian Dictionary (Vasyugan dialect)]. Tomsk, Tomskii gospeduniversitet Publ., 1996. 352 p. In Khanty, Russian.
- Moldanova T. A.** *Arkhetipy v mire snovidanii khantov* [Archetypes in the dream world of the Khanty]. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2001. 354 p. In Russian.
- Moldanov T., Moldanova T.** *Bogi zemli kazymskoi* [Gods of the land of Kazym]. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2000. 114 p. In Russian.
- Poyushchaya zhenshchina iz Ekht Yugana. Ækhæt iukhan arəh imi* [The singing woman the Ekht Yugan]. Comp. E. D. Kaksina. Tyumen, OOO FORMAT Publ., 2014. 128 p. In Khanty, Russian.
- Pesni reki Kazym v sobranii Okruzhnogo Doma narodnogo tvorchestva, g. Khanty-Mansiisk* [Songs of the Kazym River in the collection of the District House of Folk Art, Khanty-Mansiysk]. Comp. T. A. Moldanov. Tyumen, Tyum. izd. Dom Publ., 2019. 244 p. In Khanty, Russian.
- Randymova E. N., Moldanova S. P.** *Solnyshko: kn. dlya dop. chteniya v 3–4 kl. khant. shk. (kazym dialekt): Posobie dlya uch-sya* [Sunny: book for additional reading in 3–4 classes of the Khanty school (kazym dialect): A manual for students]. Desig. N. E. Tsiolika. Saint-Petersburg, otd-nie izd-va Prosveshchenie Publ., 1994. 143 p. In Khanty.
- Fedoseeva E. L.** *Onomasiologicheskii portret koshki (kan') v kul'ture i yazyke komi-permyakov* [Onomasiological portrait of a cat (kan) in the culture and language of the Komi-Permyaks]. *Molodaya filologiya – 2018. Chelovek, kul'tura, sotsium: materialy konferentsii* [Young Philology–2018. Man, culture, society: conference materials]. Perm, Izd-vo Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta Publ., 2018. P. 195–201. In Russian.
- Kak belka s kotom zhili. Khuty lanĵki kăt'i pila vqshən (khantyiskaya narodnaya skazka)* [How the squirrel and the cat lived (Khanty folk tale)]. Comp. S. D. Dyadyun. Khanty-Mansiysk, OOO Pechatnyi mir g. Khanty-Mansiisk Publ., 2019. 24 p. In Khanty, Russian.
- Erenburg B. A.** *Zagadki i mify zverinogo stilya* [Animal-style Riddles and myths]. Perm, Senator Publ., 2017. 56 p. In Russian.

Steinitz W. *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Berlin: Akademie Verlag, 1966–1991. 2018 p. In Khanty, German.

Steinitz W. *Über die Anwendung des Possessivsuffixes -en in der Liedersprache und über ein angeblich denominales Suffix -n im Ostjakischen: Ostjakologische arbeiten*. B. II. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1976. S. 50–57. In German.

Received 16.09.2021

Voldina Tatyana Vladimirovna,

Candidate of Historical Sciences.

Leading Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development,
14A, Mira st., Khanty-Mansiysk, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra,
628011, Russian Federation,
e-mail: tatyana.voldina@yandex.ru

Moldanova Irina Maksimovna,

Candidate of Philology, Researcher,

Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development,
14A, Mira st., Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk,
628011, Russian Federation,
e-mail: uil.gera@yandex.ru